

Всемирная история

Александр МУЗАФАРОВ

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Всемирная история (Вече)

Александр Музафаров

**Евпатий Коловрат. Последний
герой Древней Руси**

«ВЕЧЕ»

2017

Музафаров А. А.

Евпатий Коловрат. Последний герой Древней Руси /

А. А. Музафаров — «ВЕЧЕ», 2017 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4444-9272-7

Имя Евпатия Коловрата известно в России каждому, кто неравнодушен к истории своего Отечества. Оно появляется в трагическую эпоху крушения древней русской цивилизации под ударом внешней силы. Это имя символизирует мужество и отвагу. Оно встречается практически во всех научных работах и художественных произведениях, посвященных Батыеву нашествию, и, значит, стало частью русской культуры. Но за именем всегда стоит реальный человек, и вот об этом-то реальном человеке нам неизвестно практически ничего. Последний герой Древней Руси остается одним из самых неизвестных героев русской истории. Порой даже сомнения высказываются: а существовал ли Евпатий Коловрат на самом деле? И остается только одно – отправиться по следам Евпатия Коловрата, в трагический и славный XIII век, когда на русские княжества обрушился страшный удар завоевателей.

ISBN 978-5-4444-9272-7

© Музафаров А. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Самый неизвестный герой русской истории	6
Три обрыва национальной памяти	8
Что говорят историки?	14
Глава 1. На книжной полке	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

А. А. Музафаров
Евпатий Коловрат
Последний герой Древней Руси

* * *

© Музафаров А. А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Самый неизвестный герой русской истории

Евпатий Коловрат. Это имя известно в России каждому, кто неравнодушен к истории своего Отечества. Оно ярко вспыхивает в трагическую эпоху крушения древней русской цивилизации под ударом внешней силы. Это имя стало символом мужества и безнадёжной отваги. Это имя встречается практически во всех научных работах и художественных произведениях, посвященных Батыеву нашествию, и, значит, стало частью нашей культуры.

Но за именем всегда стоит реальный человек, и вот об этом-то реальном человеке нам неизвестно практически ничего. Лишь один письменный источник, созданный спустя много лет после описываемых на его страницах событий, донес до нас имя и краткое описание подвига «вельможи рязанского». Всего чуть более полутысячи слов – и родилась легенда, пережившая века.

Но что или кто стоит за ней? Существовал ли когда-нибудь Евпатий Коловрат на самом деле? И если существовал, то какова была его реальная судьба?

Напрасно мы будем обращаться к историческим исследованиям в поисках ответов на эти вопросы. Историки обходят фигуру Евпатия Коловрата умолчанием. И в этом нет их вины. История – наука строгая и точная. Каждое утверждение в статье или книги историка должно опираться на тщательно проверенные письменные источники или на результаты археологических раскопок, в общем, иметь твердое и достоверное доказательство. Исторические работы строятся из этих сведений, как здания из кирпича. В случае же удалого рязанского воеводы этих сведений практически нет. Нет кирпичиков – нет и здания.

Может быть, нам поможет художественная литература? Писатель ведь куда более свободен в своем творчестве, чем историк. Он может реконструировать биографию персонажа, опираясь на общие сведения об эпохе, свой вымысел, а иные места прикрыть лихим поворотом сюжета. Казалось бы, Евпатий Коловрат представляет собой идеального персонажа для исторического романа. Его имя широко известно и привлечет читателя, а отсутствие сведений, столь затрудняющее работу историков, для писателя даже удобно, так как оставляет простор для полета творческой фантазии. Конечно, созданный сочинителем образ не будет вполне достоверен с научной точки зрения, но национального сознания такая достоверность не очень важна. Сколько исторических персонажей в русской (да и не только в русской) истории стали известными и даже знаменитыми благодаря книгам? Кто бы знал короля Артура и его рыцарей, если бы не сэр Томас Мэлори? Кто бы знал д'Артаньяна, если бы не Александр Дюма? Был бы так известен Александр Маресьев, не напиши Борис Полевой «Повесть о настоящем человеке»? И таких примеров можно привести множество.

Однако при всей популярности жанра исторического романа в нашей литературе книг, посвященных отважному герою, всего три. Еще в нескольких он фигурирует в качестве персонажа. И всё! При этом ни в одной из книг авторы не делают попытки реконструировать биографию Евпатия, ограничиваясь лишь пересказом легенды. Увы, и художественная литература нам не поможет.

Как же быть? Где же искать следы отважного, но столь загадочного героя? Выше уже говорилось, что Евпатий Коловрат не просто персонаж легенды, но и символ эпохи, страшной эпохи Батыева нашествия. Но ведь как человек влияет на историю, так и историческая среда, время бытия во многом определяет его судьбу. А вот тут нам могут помочь историки. Они не занимались судьбой удалого воеводы, но вот эпоха и события были и остаются в центре внимания науки, изучающей прошлое. И сам ход событий, установленные достоверные факты, если их соотнести с легендой, могут многое в ней прояснить.

Итак, чтобы восстановить биографию нашего героя, прибегнем к методу исторической реконструкции. Попробуем наложить легенду на исторические факты и на пересечении леген-

дарного и исторического пространства обозначить основные моменты биографии «вельможи рязанского». Конечно, такая реконструкция не будет в полной мере соответствовать строгим критериям научного исторического исследования, но этот путь позволит хоть примерно, но приблизить образ реального человека, чье имя известно каждому, но мало кому о нем известно что-нибудь, кроме имени.

Хотя эта книга и не является научным исследованием, тем не менее автор считает необходимым снабдить ее ссылками на источники, чтобы читатели имели возможность более подробно ознакомиться с заинтересовавшими их вопросами.

Автор выражает искреннюю благодарность Фонду изучения исторической перспективы за поддержку в написании этой работы.

Три обрыва национальной памяти

Прежде чем перейти к обзору исторических сведений о Евпатии Коловрате, необходимо ответить на вопрос – почему в истории нашего Отечества столь много неясного и неизвестного? Почему, обращаясь к историографии, мы видим удивительное явление – историю России несколько раз «открывали» заново. Конечно, историческим знаниям свойственно не только накапливаться, но и теряться. Современники часто не считают нужным сохранить для потомков знания об обыденных и повседневных сторонах своей жизни. По понятным причинам далеко не сразу становятся известны механизмы и мотивы действий в сфере политики, дипломатии, стратегии. Такие процессы свойственны всем народам, но в нашей истории мы встречаем нечто большее – обрывы национальной памяти, когда информация о прошлом утрачивалась, и ее восстановление занимало продолжительные даже по историческим меркам периоды. Например, имя героя этой книги было совершенно неизвестно ни в XVII, ни в XVIII веке. О нем не знали ни автор «Истории Российской» Татищев, ни автор «Истории России» князь Щербатов, ни академик Миллер, ни Ломоносов – выдающиеся русские историки XVIII столетия. Лишь Карамзин впервые ввел в научный оборот сказание о Евпатии с пометкой – «Обнаружено в Новейшем летописце».

Но что Евпатий. Такие произведения древней русской литературы, как «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Поучение Владимира Мономаха», тоже были неизвестны в то время.

А всего лишь лет сорок назад большинству любителей истории ничего не сказали бы имена Забелина, Костомарова, Иловайского, Ольденбурга. Слышали о Карамзине, но «История государства Российского» была недоступна простому читателю.

Таких глобальных обрывов национальной памяти в нашей истории было три, и все они были связаны с трагическими перипетиями судьбы Отечества.

Первый из них – это как раз эпоха Батыева нашествия. В огне пожаров не просто сгорали книги, погибли и те, кто мог их читать. Кто знал историю и мог ею интересоваться. В руины и пепел были обращены именно те города, где интеллектуальная культура была наиболее развита, – Киев, Чернигов, Владимир... Все те знания, которые были накоплены в первые века русской истории, сгинули почти безвозвратно. Из примерно 130–140 тысяч книг, существовавших в домонгольской Руси, до нашего времени дожило лишь около пятисот¹, и среди них – ни одной летописи. И если мы что-то знаем о событиях X–XIII веков то только потому, что в тяжелое время монгольского владычества в рождающемся Русском государстве была проведена колоссальная интеллектуальная работа по восстановлению исторической памяти. Именно тогда были созданы те знаменитые летописные своды, которые являются в наше время основными источниками информации о прошлом. Изучая их, современные историки делают попытки реконструкции более древних летописей и летописных сводов.

Раздробленность русских княжеств, сыгравшая столь пагубную роль в противостоянии нашествию, удивительным образом помогла спасти память о прошлом. Не все центры русского летописания были уничтожены. Уцелели Новгород и Псков, и именно в Новгородских летописных сводах исследователи находят отрывки из сгинувших навеки рязанских. А в XIV веке борьба между Москвой, Тверью и Суздалем за первенство в русской земле шла не только на полях сражений и в придворных интригах. В каждом княжестве начали создаваться собственные летописи и сохранению памяти о прошлых годах уделяли большое внимание. В Новгородской летописи в рассказе о погроме Москвы ханом Тохтамышем в 1382 году упоминается интересная деталь – московские каменные храмы были «до сводов» заполнены свезенными в

¹ Лёвочкин И. В. Очерки по истории русской рукописной книги XI–XVI вв. М.: Пашков Дом, 2009. С. 6.

них книгами. Вместе с чтимыми святынями книги находились в самом безопасном месте осажденной крепости и, увы, погибли в огне после взятия города².

Сохранение исторической памяти было делом не только интеллектуальной элиты, но и общенациональным. На Русском Севере, в тех землях, куда не доходили ордынские набеги, сохранилась устная народная традиция. Сохранилась, развилась и укрепилась настолько, что дожила до XIX века, когда ученые начали ее записывать. Именно тогда изумленная Россия открыла для себя мир русских былин, имена Ильи Муромца, Алеши Поповича, Святогора стали частью национальной культуры, обретенной заново. Конечно, сами по себе былины не являются источником исторических сведений, но примечателен сам факт, что народная эпическая поэзия оказалась тесно завязана на историческую традицию.

Второй катастрофой для национальной исторической памяти стали события начала XVII века, известные как Смуты. Роковую роль здесь сыграл процесс централизации исторического знания в составе единого Русского государства, начавшийся со времен Ивана III. Превращение удельных княжеств в провинции и последовавший за этим переезд местных династий в столицу привели к ослаблению, а во многих местах – и к прекращению местной летописной традиции. Москва становится не только политической столицей новой державы, но и ее интеллектуальным центром. Эта централизация позволила создать такие значимые для нашей истории произведения, как Никоновская летопись (наибольшая по объему и подробности русская летопись), Лицевой летописный свод, Сказание о князьях Владимирских, Государев Родословец и другие.

Но эта же централизация привела к тому, что разорение столицы в Смуту вызвало не просто материальные потери, но и утрату исторического знания. Погибло много книг (как рукописных, так и печатных, и сам Печатный двор был разорен), окончательно прекратилась общерусская традиция летописания, но главное – погибли или умерли люди, знавшие и понимавшие важность сохранения истории. Документы говорят о том, что первым государям из рода Романовых пришлось фактически заново формировать Боярскую думу³, приказы, военную администрацию. Значительно обновился также состав Патриаршего двора и столичных монастырей. Узкая прослойка интеллектуалов, занимавшихся государственной историей, была уничтожена, а у новых государей было слишком много проблем внутри страны и во внешней политике, чтобы уделить должное внимание истории.

При этом размер утраты на уровне владения информацией заметно превосходил реальные материальные потери. В библиотеках монастырей и некоторых городов сохранилось большое количество рукописных и печатных книг XV–XVI веков, но они не были востребованы. В результате к концу XVII века утрата исторических знаний стала реальностью.

Взошедший на престол в 1682 году младший сын царя Алексея Михайловича Петр, будущий первый Император Всероссийский, был одним из немногих, кто понимал проблему. Известно, что царь-реформатор неоднократно проявлял интерес к древней истории России. В его указах можно найти ссылки на сведения, почерпнутые из летописей⁴. Не случайно автором

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. IV, ч. 1. С. 334.

³ В. О. Ключевский отмечал: «Представив себе количество старших боярских родов, уступивших в XVII в. свои места в думе младшим, и количество новых неизвестных дотоле фамилий, пришедших с служилого низа занять места вышедших знатных, мы поймем, что разница в составе Боярской думы того и другого века была слишком значительна, чтоб ее последствия не шли далее родословной московского боярства. Сменились не только поколения одного и того же класса, сменились самые классы, и если бы гордому своим происхождением кн. А. М. Курбскому показать список членов Боярской думы XVII в., он, наверное, покачал бы головой и сказал: да, правду писал мне в Литву князь великий московский Иван Васильевич, по своей привычке злоупотребляя словами Св. Писания, что “может Бог и из камней воздвигнуть чад Аврааму”» (Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси).

⁴ Например, указ об учреждении Андреевского военно-морского флага содержал в себе отсылку к эпизоду из Повести временных лет, описывающему посещение русских земель апостолом Андреем Первозванным.

первого обобщающего труда по русской истории – «Истории Российской» стал один из личных помощников государя Василий Никитич Татищев.

Важнейшую роль в изучении прошлого России сыграла основанная Петром Великим Российская академия наук. Именно академические ученые начали систематическую деятельность по сбору, изучению и публикации письменных источников по русской истории. По инициативе и замыслу академика Герарда Фридриха Миллера в 1732 году был создан первый в России научный исторический журнал – «Sammlung Russischer Geschichte»⁵. Именно в этом журнале впервые были опубликованы отрывки из Повести временных лет, снабженные научным комментарием. Выходивший на немецком языке журнал на долгие годы стал основным источником по русской истории для европейского научного сообщества⁶. Трудными академическими учеными и русскими архивистами в XVIII веке были опубликованы важнейшие исторические и литературные памятники XII–XVII веков, в том числе летописи, «Русская правда», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве» и многие другие⁷. Появились академические, университетские и частные собрания древних книг. В архивах начата планомерная научная работа. В числе прочих в 1790 году вышел из печати и «Русский временник», содержащий сведения о Евпатии Коловрате. Своеобразным итогом всей этой деятельности стало написание Н. М. Карамзиным «Истории государства Российского». Впервые русский читатель получил подробнейшее изложение отечественной истории от самого ее начала до Смутного времени, написанное литературным языком, то есть доступное для понимания каждого. На уровне национального сознания провал в исторической памяти был преодолен, Россия вновь обрела историю.

Третий и самый страшный обрыв национальной памяти произошел после революции 1917 года. Этот год стал роковым в истории России и по своим последствиям может сравниться разве что с 1237-м. Произошла не просто смена политических элит, не просто изменения политического, социального и экономического уклада, был дан старт попытке построения нового государства и нового общества, полностью отрицающего все, что было до него. Слова «Отречемся от старого мира» были не пустым звуком. Новые государственные образования – РСФСР, а потом СССР – не только не пытались стать юридическими преемниками Российской империи, но и решительно отрицали саму возможность такой преемственности.

Большевики хорошо понимали, что основу старого общества составляют не только сами люди, но и историческая память. И помимо социальной инженерии объявили настоящую войну прошлому – российской истории. Первый удар был нанесен 12 апреля 1918 года, когда за подписями Ленина, Луначарского и Сталина вышел «Декрет о снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» («О памятниках республики»). Согласно этому декрету «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера». По всей стране началась расправа над памятниками. Крушили памятники государям, полководцам, государственным деятелям. Уже к концу 1918 года в Москве были снесены памятники Александру II, Александру III, великому князю Сергею Александровичу, генералу М. Д. Скобелеву и т. д. В сносе памятников принимали личное участие руководители Советского государства и сам «вождь мирового пролетариата».

Масштабы разрушения были колоссальными. Так, в 1940 году специальная комиссия Академии архитектуры СССР констатировала, что в столице Советского Союза за 1917–

⁵ Дословно – «Собрание русской истории», можно перевести как «Русский исторический сборник».

⁶ Каменский А. Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. М.: Наука, 1996. С. 378.

⁷ Смирнов А. Ф. Великие историки России. Мыслители и правители. М.: Вече, 2010. С. 29.

1940 годы *«уничтожено 50 процентов архитектурно-исторических памятников национальной архитектуры»*⁸. При этом комиссия считала только те объекты, которым был официально присвоен статус памятника. А скольким не был присвоен этот статус?

Живым свидетельством истории России были географические названия – городов, улиц, населенных пунктов и т. д. В 20-х–30-х годах по указаниям советского руководства началось тотальное переименование. Исчезали старинные названия, несшие в себе исторический смысл, зато на карте страны появились имена большевистских вождей, деятелей мирового революционного движения и т. д. Так стиралась историческая география России. Большевики запросто переименовывали целые города, называя их в честь «себя, любимых». Так появились на карте СССР Калинин, Молотов, Сталино, Орджоникидзе, Киров и т. д.

К сожалению, большинство этих уродующих нашу историю и наши города переименований дожили до нашего времени. Начавшаяся было в 90-х годах XX века кампания по возвращению исторических имен улицам и городам пошла на спад... Интересно, что одним из наиболее распространенных и, надо признать, разумных мотивов против возвращения старых названий в наши дни является мотив финансовой экономии – каждое переименование выливается государству в копеечку. Можно представить, каких затрат потребовало массовое изменение наименований населенных пунктов и их частей в 20-х – 30-х годах. Но в борьбе с русской историей большевики не боялись расходов.

В 1919 году в учебных заведениях СССР было прекращено преподавание истории. *«Восемь-девять лет тому назад, – с удовлетворением писал в 1927 году видный борец с исторической наукой М. Н. Покровский, – история была почти совершенно изгнана из нашей школы – явление, свойственное не одной нашей революции. Детей и подростков занимали исключительно современностью...»*⁹

Этот предмет был вычеркнут из учебной программы и заменен изучением истории партии и мирового освободительного движения. В завершение этого процесса советское руководство устроило расправу над отечественной исторической наукой. 5 ноября 1929 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об уголовном преследовании сотрудников Академии наук СССР по совершенно нелепому обвинению. Обратим внимание читателя, что инициатива расправы над учеными-историками исходила не от органов госбезопасности, как того можно было бы ожидать, а от высшего руководства страны. Выполняя решение руководства, органы ОГПУ состряпали целое «Академическое дело» («Дело историков»), в рамках которого были проведены аресты выдающихся отечественных ученых. Все по этому делу было арестовано 4 академика АН СССР (С.Ф. Платонов, Е. Н. Тарле, Н.П. Лихачев и М.К. Любавский), 9 членов-корреспондентов АН СССР, в том числе С. Ф. Рождественский, Д. Н. Егоров, Ю. В. Готье, А.И. Яковлев, и более 100 ученых рангом поменьше. Подавляющее большинство из них было историками. Имена С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, М.К. Любавского говорят сами за себя.

10 февраля 1931 «тройка» ПП ОГПУ в ЛВО вынесла приговор первой партии арестованных по «Академическому делу»: 29 человек были приговорены к расстрелу, 53 – к заключению в ИТЛ на срок от 3 до 10 лет, 2 – к высылке на 2 года. Решение «тройки» было пересмотрено коллегией ОГПУ 10 мая 1931 года. Высшая мера наказания была сохранена в отношении бывших офицеров А.С. Путилова, А.А. Кованько, В.Ф. Пузицкого, Я.П. Куприянова, П.И. Зиссермана, Ю.А. Вержбицкого. 10 человек были приговорены к расстрелу, замененному заключением в лагерь на 10 лет, 8 – к заключению в лагерь на 10 лет, 3 – к заключению в лагерь на 10 лет, замененному высылкой на тот же срок, 3 – к заключению в лагерь на 3 года. В ходе следствия было освобождено 43 человека.

⁸ Михайлов К. Уничтоженный Кремль. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 31.

⁹ Брачев В. С. Травля русских историков. М.: Алгоритм, 2006. С. 11.

Вынесение приговора тем арестованным, которых относили к «руководящей группе», затянулось. Он был вынесен коллегией ОГПУ 8 августа 1931 года: 18 человек были приговорены к высылке в отделенные места СССР сроком на 5 лет. Среди них были академики Платонов, Тарле, Лихачев, Любавский. Пять человек приговорены к 5 годам заключения в лагере, 4 – к 3 годам заключения в лагере, 1 – к высылке в Западную Сибирь на 3 года¹⁰. Цвет отечественной исторической науки был разгромлен...

Преподавание истории как учебного предмета было восстановлено в СССР лишь в 1934 году. Такой перерыв был необходим большевистскому руководству для разрушения традиций преподавания истории Отечества, ибо в 1934 году в учебных заведениях стали изучать совсем другую историю.

Решение о восстановлении преподавания истории было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 марта 1934 года. Этим же постановлением высшее руководство СССР утвердило авторскую группу для создания школьного учебника истории СССР¹¹. Пожалуй, впервые в российской истории школьный учебник утверждался высшим руководством страны. В том же 1934 году три члена Политбюро – Сталин, Киров и Жданов – лично прочитали и отрецензировали предлагаемые авторскими коллективами конспекты новых школьных учебников. Для нашей темы весьма важно посмотреть, какие же недостатки наши вожди обнаружили в представленном им проекте учебника.

По мнению высокопоставленных рецензентов, авторская группа *«не выполнила задание и даже не поняла своего задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, то есть истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР»*. В конспекте не была подчеркнута ни *«аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма»*, ни *«контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике»*¹².

Вот это-то различие между русской историей и историей СССР и является главным для понимания того, какую же именно историю стали преподавать в советских школах и прочих учебных заведениях. Главным было то, что отрицался исторический путь России как национального государства русского народа, созданного русским народом же. Теперь, по мысли вождей, русский народ должен был занять в своей стране место лишь одного из нескольких «братских народов» (многие из которых в то время лишь искусственно создавались), а в перспективе – с расширением СССР до мировых пределов – роль русских должна была стать еще меньшей.

Историческая наука в Советском государстве была поставлена в жесткие идеологические рамки, которые ограничивали не только свободу научной дискуссии, но и создавали систему постулатов, оспорить которые было невозможно. Полный контроль государства над книгоизданием и библиотеками также способствовал разрыву между русской и советской традициями. Труды дореволюционных историков не переиздавались в СССР, причем речь идет не об узкоспециальных работах, а о классиках, таких как Н. М. Карамзин, Д. И. Иловайский, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин и т. д. Дореволюционные издания были доступны только в библиотеках крупных городов и старых университетов. Искусственная изоляция советских ученых от зарубежных, в первую очередь европейских коллег¹³, снижение уровня преподавания – все это способствовало застою и постепенной деградации отечественной исторической науки. Вместе с тем нельзя полностью вычеркивать советское время из историографии как бесплодное и потерянное. Даже жесткие идеологические рамки не способны полностью убить научную мысль, поэтому наряду с потерей исторического знания были и открытия, наиболее значительным из

¹⁰ Цамутали А. Н. Академическое дело // Репрессированные геологи. М. – СПб., 1999. С. 391–395.

¹¹ Жуков Ю. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. С. 68.

¹² Жуков Ю. Иной Сталин. М.: Вагриус, 2003. С. 203.

¹³ До революции обязательным условием получения профессорского звания было наличие у соискателя одного не менее чем двухлетнего опыта работы за рубежом.

которых в области изучения Древней Руси следует считать находку и изучение берестяных грамот.

Отсутствие свободной дискуссии по историческим вопросам и невежество в отечественной истории даже образованной части общества привели к невиданному прежде расцвету псевдонаучного, а порой антинаучного шарлатанства, наступившего после 1991 года. Книги Л. Н. Гумилева, А.Т. Фоменко, В. Б. Резуна и их последователей, заполонившие прилавки книжных магазинов, открыли дорогу валу псевдоисторической литературы, в которой, как отдельные островки, тонут изданные малыми тиражами книги профессиональных исследователей.

Сейчас перед русским обществом, и в первую очередь перед профессиональным историческим сообществом, снова стоит задача вернуть России прошлое. Вопрос выживания русских как нации зависит именно от этого – вспомнит ли народ свою историю и примет ли как свою? И пусть напоминание о подвиге предков, которые в самой безнадежной ситуации не теряли присутствия духа, веру в Господа и надежду на Его милость к России, должно укрепить современное общество в его тяжелом положении.

Что говорят историки?

Выбранный нами метод реконструкции требует прежде, чем перейти непосредственно к фигуре Евпатия Коловрата, сделать небольшой обзор исторических работ, посвященных истории первой половины XIII века, то есть времени, когда протекала жизнь нашего героя, и особенно событиям, связанным с монгольским нашествием на Русь.

Надо сразу отметить, что таких работ немного. Хотя еще «отец русской истории» Н. М. Карамзин писал: *«Россия нам отечество: ее судьба и в славе и в уничижении равно для нас достопамятна»*, но все-таки трагическое время «Батыева погрома» редко становилось темой специального исследования.

Как правило, историки рассматривают его в рамках более широких тем, таких как «монголы и Русь» или «ордынское иго и его последствия», в рамках которых от трагических страниц можно постепенно перейти к не столь тяжким – к борьбе народа за свое выживание, с кропотливой деятельностью русских государей, что из осколков былого и всего, что попадалось под руку, закладывали фундамент новой державы, к героическим страницам восстаний и военных битв, и, наконец, к светлым и святым образам святителя Алексия, Сергия Радонежского, Дионисия Суздальского и их учеников.

И до, и после монголов накатывались на наши рубежи нашествия иноплеменников, иной раз им и успех сопутствовал, но всегда и неизбежно следовал ответ русской силы. И в свете будущей победы первоначальные поражения обретают свой смысл. Война 1237–1240 годов, которую вели русские княжества с державой Чингизидов, – это горчайшая страница в русской истории – поражение, оставшееся без ответа.

Начать обзор логично с «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Во-первых, потому, что именно он задал ту схему изложения, которую и сейчас еще используют историки, – повествование о ходе русской истории разрывается рассказом о событиях далеко на Востоке – образовании державы Чингисхана и его потомков, которое, таким образом, как бы встраивается в русский исторический контекст. Во-вторых, именно Карамзин впервые опубликовал, или, говоря современным языком, ввел в научный оборот, историю Евпатия Коловрата. Историограф не стал подвергать эти сведения критическому анализу, хотя и отметил их меньшую достоверность по отношению к информации, почерпнутой из летописей.

Не высказал он своего мнения и о причинах трагического исхода столкновения Руси и кочевников, рассматривая Батыеву рать как искушение «всеми возможными для государства бедствиями», ниспосланном Провидением для России¹⁴.

Очень подробно рассмотрел события 1237 года в Рязанской земле почти забытый ныне, но весьма известный в XIX веке русский историк Дмитрий Иванович Иловайский. В своей работе «История Рязанского княжества» (1858) он попытался свести воедино все сведения, известные к тому времени из летописей, и выстроить непротиворечивую картину событий. Историю Евпатия Коловрата он посчитал попавшим в письменные источники отголоском народного предания, а самого Евпатия – былинным рязанским богатырем. «Событие, очевидно, невыдуманное; только трудно определить, насколько народная гордость участвовала в изобретении поэтических подробностей»¹⁵.

В 1880 году из-под пера историка выходит труд «Становление Руси», в котором вопрос о нашествии монголов рассмотрен с общерусской точки зрения. По мнению Иловайского, эффективный ход исторического развития сделал невозможной эффективную защиту страны от нашествия: *«Можно, конечно, обвинять наших старых князей в том, что они не поняли всей*

¹⁴ Карамзин. Н.М. История государства Российского. М.: Книжный сад, 1993. Т. 2. С. 141.

¹⁵ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1858. С. 133.

опасности и всех бедствий, грозивших тогда от новых врагов, не соединили свои силы для дружного отпора. Но, с другой стороны, не должно забывать, что там, где предшествовал долгий период всякого рода разъединения, соперничества и развития областной обособленности, там никакая человеческая воля, никакой гений не могли совершить быстрого объединения и сосредоточение народных сил. ...Древняя Русь сделала то, что было в ее средствах и способах. Каждая земля, почти каждый значительный город мужественно встречали варваров и отчаянно защищались, едва ли имея какую-либо надежду победить. Иначе не могло и быть. Великий исторический народ не уступает внешнему врагу без мужественного сопротивления, хотя бы и при самых неблагоприятных обстоятельствах»¹⁶.

Нетрадиционный взгляд на монгольское завоевание предложил Георгий Владимирович Вернадский, русский историк, оказавшийся после Октябрьского переворота в эмиграции в США. По своим взглядам он был близок к евразийцам, и поэтому, рассматривая монгольский период в истории Руси, он выбрал необычный для нашей историографии угол зрения. В своем труде «Монголы и Русь», представлявшем собой третью часть фундаментального труда по истории России, он рассматривает не историю русских княжеств под монгольским владычеством, а историю Монгольской империи и Руси как одной из ее провинций. Если до этого центром обозрения была Русь, то теперь он перемещается в империю великого хана и в Золотую Орду. Непосредственно событиям 1237–1240 годов в книге посвящено не более двух страниц, на которых сухо перечислены даты ордынских походов и основных сражений. Нежелание вдаваться в подробности объясняется стремлением евразийцев «реабилитировать» монголов и представить их не как жестоких варваров, а как развитую цивилизацию, уровень жестокости которой не превышал обычного для Средних веков¹⁷. Картины беспощадных разрушений и жестокой резни плохо увязывались с рассуждениями о мудрости Ясы Чингисхана и справедливом устройстве великой евразийской империи.

Однако именно такой подход позволил увидеть монгольское нашествие не просто как стихийное бедствие или проявление Божией воли, но и подробно рассмотреть его причины и цели.

Интересно, что почти одновременно работа с аналогичным названием – «Монголы и Русь» – появилась и по эту сторону «железного занавеса». Ее автором был Арсений Николаевич Насонов. Основной темой его работы была политика золотоордынских ханов в отношении русских княжеств, при этом сам процесс завоевания историка не интересовал – ему посвящено не более двух абзацев.

Гораздо больший интерес для нашей темы представляет другая работа А. Н. Насонова – «Русская земля и образование территории древнерусского государства» – наиболее подробный до настоящего времени труд по исторической географии домонгольской Руси. Одной из проблем отечественной историографии является недостаточное количество исследований, в которых бы изучались не общий ход исторических событий, а важные для его понимания аспекты. Например, напрасно любитель истории будет искать в каталоге библиотек книгу «Торговые пути и дороги Древней Руси» или «Состав Боярской думы при Василии III. Биографический справочник». Напрасно, потому что таких книг не существует в природе. Информацию по интересующим исследователя узким вопросам необходимо искать во множестве статей, при-

¹⁶ Иловайский Д. И. Становление Руси. М.: Астрель, 2003. С. 637.

¹⁷ Показателен в этом плане пассаж из первой главы книги. Признавая, что «ни одна территория и период истории не знали подобной концентрации массовых убийств», автор далее пишет: «...и противники монголов не испытывали отвращения к кровопролитию. Со всеми своими высокими идеалами и возвышающимися цивилизациями, как средневековая Европа, так и средневековый Ближний Восток представляют на протяжении длительного периода печальную хронику жестокости и варварства не только в войнах между нациями, но и в подавлении религиозных и иных меньшинств внутри каждой нации» (Вернадский Г. В. Монголы и Русь).

мечаний и т. д. Исследование А. Н. Насонова представляет собой счастливое исключение, которым по сию пору пользуются историки.

В советское время так и не появилось специального исследования, посвященного нашествию монголов на Русь. Большое внимание этой теме уделял специалист по военной истории Средневековья Вадим Викторович Каргалов. В 1966 году появилась его небольшая работа «Монголо-татарское нашествие на Русь», написанная в научно-популярном жанре. К этой теме автор не раз возвращался и в дальнейшем, наиболее подробно осветив этот период в своей книге «Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси», больше половины объема которой посвящена событиям 1237–1238 годов. Остальные советские историки ограничивались либо статьями, либо небольшими по объему главами в монографиях, написанных по стандартной схеме – «злые завоеватели – феодальная раздробленность, помноженная на недалекость русских князей = печальный итог».

Вместо исторических исследований обществу был предложен «закрывающий тему» талантливый роман писателя Василия Яна «Батый», роль которого в формировании представлений в обществе о событиях 1237–1238 годов не меньше, а то и больше, чем всех трудов профессиональных историков, вместе взятых. Написанный талантливым писателем на основе представлений тогдашней исторической науки, роман в то же время проникнут советской идеологией, искусно вплетенной автором в повествование¹⁸. Это литературное произведение оказало влияние не только на массовое сознание, но и на работы советских историков по данной тематике.

Отдельно от советской традиции стоят труды «последнего евразийца» Льва Николаевича Гумилева. В основе его работ лежала предложенная им новая концепция историософии – теория пассионарности, объясняющая весь ход мировой истории за счет действия особой энергии, заряжающей периодически те или иные народы. По мнению создателя теории, весь ход исторического процесса подчиняется природным закономерностям и схож с жизненными циклами организмов, а полоса свободы воли человека довольно ограничена. В теории пассионарности можно увидеть отголоски и органической теории Шеллинга, и историософии Константина Леонтьева, и даже православного учения об энергиях Божества.

Будучи еще более евразийцем, чем сами основатели этой концепции, Гумилев пошел дальше в оправдании монголов. В погроме Руси он фактически обвинил русских князей, «не понявших» истинных целей монгольского войска и оказавших ему «напрасное и неумелое сопротивление». Монголы не могли поступить иначе, так как находились в фазе пассионарного подъема, а русские пребывали в стадии обскурации и тоже не могли ничего противопоставить завоевателям. Впрочем, Гумилев не рассматривает отношения Руси и Орды в подобных терминах. С его точки зрения, после нашествия монголов русские князья вступили с ними в добровольный союз, а дань – не что иное, как плата за военную помощь в борьбе с агрессией католического Запада.

Теоретические построения Л. Н. Гумилева и основанные на них исторические труды были очень уязвимы для научной критики, но в силу особенностей советской системы вместо полноценной научной полемики была организована кампания беспощадной травли мыслителя. Причем главным основанием для нее послужили не фактические, методологические и прочие ошибки в книгах историософа, а то, что предложенная им теория не являлась марксистской. Однако именно это обстоятельство, прекрасный литературный язык Гумилева и обаяние его личности сделали его работы весьма популярными в советском образованном обществе.

По существу, историки начали критиковать Гумилева лишь в 90-х годах XX века, когда его книги нашли своего массового читателя и оказали существенное влияние на исторические представления общества.

¹⁸ Подробнее о романе «Батый» и роли, которую он сыграл, см. в Приложении 1.

Падение советской системы значительно ослабило влияние на историческую науку идеологических факторов. Однако сложное экономическое положение страны привело к вымыванию из этой сферы деятельности многих талантливых ученых. Осложняет ситуацию и информационный вакуум – труды историков выходят мизерными тиражами и продаются по высокой цене, что делает их малодоступными не только для широкой публики, но и для других специалистов. Тем не менее российская историческая наука продолжает существовать и развиваться. В последние годы вышло много новых исследований, в том числе и посвященных интересующему нас периоду. Хотелось обратить внимание читателя на некоторые из них.

В 2004 году была опубликована монография Дениса Григорьевича Хрусталева «Русь от нашествия до “ига”», первое за долгие годы специальное научное исследование, посвященное монгольскому нашествию на Русь и событиям, непосредственно связанным с ним. Автор подробно рассматривает ход военных действий, ситуацию на Руси, мотивы и поступки отдельных исторических персон. В 2012 году монография вышла в дополненном и частично переработанном виде под названием «Русь и монгольское нашествие».

Интересному и малоизученному по сию пору аспекту событий XIII века – осмыслению русским обществом нашествия монголов и монгольской власти над Русью – посвящена работа Владимира Николаевича Рудакова «Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.». Автор пытается ответить на вопрос – какими видели завоевателей представители интеллектуальной элиты русского общества того времени, создавшие те самые письменные источники, которыми руководствуются все последующие поколения историков? Без понимания этого аспекта проблемы невозможно адекватно оценивать мотивации и поступки основных действующих лиц. Для нашей темы особенный интерес представляют первые две части исследования, в которых рассматривается реакция русского общества на битву на Калке и Батыево нашествие.

Военные аспекты монгольского нашествия подробно освещены в книгах Романа Петровича Храпачевского «Военная держава Чингисхана» и «Армия монголов периода завоевания Древней Руси». Исследования основаны на анализе большого количества китайских, персидских и собственно монгольских источников, некоторые из которых впервые введены в научный оборот.

В последние годы вышло несколько исследований, посвященных правителям Монгольской империи и ханам Золотой Орды. Из этого потока разнородной по качеству и ориентации литературы хотелось бы особенно отметить биографию хана Батые, которую для серии ЖЗЛ написал Алексей Юрьевич Карпов. Автор является специалистом по Древней Руси, его перу принадлежат первые в нашей историографии научные биографии Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Юрия Долгорукова и других деятелей домонгольского периода нашей истории. Его книга о Батее лишена евразийской сентиментальности, но осталась объективной и до дотошности подробной. Специализация автора позволила ему очень подробно описать нашествие монголов на Русь и отношения повелителя Орды с русскими князьями.

Конечно, перечисленными трудами не исчерпывается вся современная историография темы монгольского нашествия на Русь. Многие аспекты проблемы получают свое освещение в статьях и докладах, но, увы, эти публикации издаются крайне малыми тиражами и далеко не всегда становятся известными даже специалистам, а в руки любителей истории могут попасть разве что случайно.

Однако постепенное накопление информации, рассмотрение узких вопросов – неизбежный путь к созданию новых обобщающих монографий. А без прочного научного фундамента невозможно возвращение исторической памяти народа.

Глава 1. На книжной полке

Если спросить любителя русской истории, в каком произведении содержится упоминание о Евпатии Коловрате, то большинство не задумываясь ответит – в «Повести о разорении Рязани Батыем», наиболее осведомленные добавят – которая входит в цикл повестей о Николе Зарайском. В подтверждение своих слов нам покажут солидное издание «Памятники древнерусской литературы», в оглавлении которого черным по белому будет написано название – «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Но на самом деле ответ на вопрос, героем какого литературного произведения является Евпатий Коловрат, несколько сложнее и не лежит на поверхности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.